

СТИХОТВОРЕНИЕ И. В. СЕВЕРЯНИНА «МОЯ РОССИЯ»: ОПЫТ КОМПОЗИЦИОННОГО АНАЛИЗА

С. С. Фолимонов

Саратовская государственная юридическая академия

Поступила в редакцию 17 февраля 2020 г.

Аннотация: в статье представлен опыт интерпретации стихотворения И. В. Северянина «Моя Россия» (1924). В основу исследовательской стратегии положена идея композиционного анализа лирического текста, позволившая выявить особенности творческой лаборатории автора, влияющие на формирование его индивидуального стиля. Композиционной доминантой рассматриваемого поэтического произведения выступает особая форма строфического построения, основанная на анафоре. Она обеспечивает единство всех элементов текста, становится главным инструментом для воплощения авторского замысла, заключающегося в передаче сложного душевного состояния лирического героя, лишенного возможности вернуться на Родину.

Ключевые слова: И. В. Северянин, анафорическая композиция, аллюзия, антитеза, Россия, лирический герой, фоника.

Abstract: the experience of interpretation of the I. V. Severyanin's poem "My Russia" is presented in the article (1924). The idea of compositional analysis of a lyric text, that allowed us to identify the features of the author's creative laboratory, that affect on the formation of his individual style, it is the basis of the research strategy. A special form of strophic construction, based on anaphora, acts as the compositional dominant of the considered poetic work. It ensures the unity of all text elements, becomes the main tool for implementing the author's idea, which consists in transmitting the complex state of mind of the lyric character, deprived of the opportunity to return to his Homeland.

Keywords: I. V. Severyanin, anaphoric composition, allusion, antithesis, Russia, lyrical character, phonica.

Анализ композиции лирического стихотворения — один из самых продуктивных путей постижения авторского замысла и феномена индивидуального поэтического стиля. Особенно результативным он оказывается применительно к творчеству тех поэтов, которые осознанно разрабатывали или адаптировали, развивали систему конструктивных элементов произведения, экспериментировали в области формы. Среди таких поэтов особо выделяется имя И. В. Северянина, чей талант «искусного версификатора» [1, 328] изучен очень мало.

В науке накоплен обширный теоретический и эмпирический материал, определяющий методологические предпосылки подобного рода исследований, что выражается в многообразии аналитических стратегий. Вслед за В. М. Жирмунским мы видим цель изучения стихотворной композиции в том, чтобы «выяснить те художественные принципы, которыми определяется в произведении искусства ... распределение или расположение ... художественного материала» [2, 3]. Большинство ученых выделяют в композиции *сопрягающий принцип*, призванный контролировать «художественность во всех сочленениях и общем плане» [3, 10], обеспечивающий «единство и цельность» [4, 1765]. Он «скрепляет

все иные элементы формы и соподчиняет их авторской концепции» [5, 388]. Методологически ценным в этом плане представляется наблюдение Б. В. Томашевского о взаимозависимости эмоциональной окраски стихотворения, темы и композиции [6, 230], поддержанное М. Л. Гаспаровым [7, 408].

Поскольку представления о границах и содержании термина «композиция» в работах современных исследователей различны, возникает необходимость в каждом конкретном случае мотивировать стратегию исследования. Опираясь на идею структурного поуровневого анализа текста [8, 9], мы тем не менее сфокусируем внимание лишь на тех из них, что активно способствуют реализации авторской концепции, и будем выделять композиционный уровень-доминанту, а также вспомогательные компоненты, усиливающие эстетический эффект главного конструктивного элемента.

Материалом для наших наблюдений послужило стихотворение И. В. Северянина «Моя Россия», где композиционной доминантой выступает строфика. Интерес к традиционным строфическим формам, а также смелые эксперименты по изобретению новых стиховых комбинаций — отличительная черта северянинского творчества. Однако осмысление этой проблемы в северяниноведении носит эпизодичный и чаще всего вспомогательный характер (например,

затрагивается в рамках изучения отдельных жанров: элегии, триолета, сонета и др. [10; 11]).

Одним из самых распространенных принципов строфического построения в поэзии И. В. Северянина является анафора. К анафорической композиции в широком смысле В. М. Жирмунский относит распределение синтаксического материала в формах сочинения, соподчинения и сопоставления. Однако более интересными в художественном плане ему представляются случаи, когда «строфическое членение находит себе более или менее последовательную поддержку в анафоре: анафорическое слово стоит в начале каждой строфы», либо «все стихотворение представляет из себя в синтаксическом отношении развернутое составное предложение» [2, 27].

Сочинительная форма как структурообразующий компонент поэтического текста наглядно представлена в стихотворении «Моя Россия»:

Моя Россия

И вязнут спицы расписные

В расхлябанные колеи ...

А. Блок

Моя безбожная Россия,
Священная моя страна!

Ее равнины снеговые,

Ее цыгане кочевые,—

Ах, им ли радость не дана?

Ее порывы огневые,

Ее мечты передовые,

Ее писатели живые,

Постигшие ее до дна!

Ее разбойники святые,

Ее полеты голубые,

И наше солнце и луна!

И эти земли неземные,

И эти бунты удалые,

И вся их, вся их глубина!

И соловьи ее ночные,

И ночи плавно-ледяные,

И браги древние хмельные,

И кубки, полные вина!

И тройки бешено-степные,

И эти спицы расписные,

И эти сбруи золотые,

И крыльчатые пристяжные,

Их шей лебяжья крутизна!

И наши бабы избяные,

И сарафаны их цветные,

И голоса девиц грудные,

Такие русские, родные,

И молодые, как весна,

И разливные, как волна,

И песни, песни разрывные,

Какими наша грудь полна,

И вся она, и вся она —

Моя ползучая Россия,

Крылатая моя страна! [12, 30]

Это 35-стишие, опоясанное композиционным кольцом: «Моя безбожная Россия, / Священная моя страна! — Моя ползучая Россия, / Крылатая моя страна!». В нём используется два основных анафорических элемента — сочинительный союз «и» и личное местоимение «её». Анафорическое «её» расположено группами 2 + 3 + 2 и сосредоточено в первой части стихотворения. Более последовательно используется союз «и», образующий группы 12 + 3 + 3 + 2 с промежутками в один стих. Такая последовательность объясняется подчиненностью принципа распределения словесного материала постепенно нарастающей экспрессии, выраженной в первую очередь с помощью интонации. В свете этого две анафорические группы, объединенные местоимением «её», воспринимаются как своего рода завязка грядущего эмоционального действия. Лирический герой здесь только пробует свой голос, который зазвучит в полную силу лишь к финалу. Ассоциативная соотнесенность композиционного и метрического паттерна с прецедентным для русского читателя текстом (поэмой М. Ю. Лермонтова «Демон»), во-первых, служит материалом для имплицитного развития темы изгнанничества (привнесение романтического духа), во-вторых, актуализирует заявленный в эпиграфе поэтический диалог с А. А. Блоком, в-третьих — позволяет продемонстрировать функциональные возможности повтора в рамках авторского строфоиды.

Анафора неодинакова по глубине охвата стиха, что создает эффект импровизации, свойственный живой ораторской речи. Усложненные анафорические сегменты могут объединяться в пары («И эти земли неземные, / И эти бунты удалые») либо повторяются с промежутками в несколько стихов («И наше солнце и луна! <...> И наши бабы избяные»).

Выстроенный И. В. Северяниным композиционный рисунок соответствует поставленной художественной задаче — вызвать у читателя (слушателя) прилив патриотических чувств. Стихотворение тематически и интонационно тяготеет к гражданской лирике, хотя и выходит за рамки привычного классического канона, сложившегося в русской поэзии XIX в. В отличие от большинства произведений данного жанра, здесь отсутствуют ярко выраженная публицистичность, социально-политическая проблематика, авторские наблюдения над типичными проявлениями национальной психологии, раздумья о судьбах Родины и др. Вместо этого поэт использует хорошо продуманную и мастерски реализованную риторическую стратегию, основанную на ресурсах сентиментального и романтического пафоса. Остановимся на этом подробнее.

Стихотворение «Моя Россия» датируется 1924 годом. К этому времени И. В. Северянин уже около семи лет находился в вынужденной эмиграции, хотя

и предпочитал называться «просто дачником» [13, 152], оставляя за собой тем самым право на возвращение, воссоединение с Родиной. И. В. Одоевцева в книге «На берегах Сены» пишет, что на мироощущение поэта в тот период наложили тяжелый отпечаток обстоятельства личной жизни, охлаждение интереса со стороны публики, сложные взаимоотношения с коллегами по поэтическому цеху [14, 7–25]. Все это нашло отражение в концепции центрального образа рассматриваемого произведения.

Вектор художественного воплощения образа Родины заложен в самом названии. Перед читателем предстает именно «северянинская Россия», воссозданная избирательной, личной (биографической) и поэтической памятью. На эту особенность изменившегося мироощущения «короля поэтов» в эмиграции обращает внимание А. А. Никонова, подчеркивая тенденцию к смещению ценностных ориентиров поэта «в сторону русскости, пусть даже мифологизированной» [15, 92]. Подтверждением тому служат многочисленные аллюзии. Из них буквально соткана текстовая ткань. Так, уже в зачине звучит отсылка к основополагающей мифологеме русского национального сознания — *Святой Руси*, вступившей в противоречие с богоборчеством и анархизмом, проявившимися в годы смут и революций. Примечательно, что И. В. Северянин выбирает для вербализации ментального знака слово «священная», а не «святая», имплицитно усложняя ассоциативный ряд. В семантическом поле выбранной им лексемы имеются значения: «обладающий святостью, признаваемый божественным», «дорогой, заветный», «чрезвычайно почетный, высокий, исключительный по важности» [16, 112]. Все они находят реализацию в произведении. Таким образом намечаются две смысловые линии, пересекающиеся в потоке лирического сознания автора: глубоко личное, биографическое начало и то, что органично связано с развитием образа лирического героя, устойчивой поэтической стратегией, ориентированной на самоиронию, языковую игру и игру смыслами, где прописные истины, литературные и фольклорные цитаты, реминисценции превращаются в материал для создания стиля — авторского, с одной стороны, и стиля мышления, свойственного северянинскому читателю — с другой.

Устоявшиеся в искусстве представления о русском пейзаже («равнины снеговые», «земли неземные», «ночи пламенно-ледяные»), о национальном характере («порывы огневые», «разбойники святые», «бунты удалые», «тройки бешено-степные», «песни разрывные») применяются поэтом как знаки, не подлежащие расшифровке и детализации в силу своей общеизвестности. Но такое нанизывание аллюзий отнюдь не свидетельство отсутствия глубокой художественной мысли. Напротив, сложный ход поэтической мысли стано-

вится очевидным лишь при ближайшем рассмотрении аллюзийного узора.

Аллюзийный материал композиционно выстроен по антитетичному принципу. Такой принцип в поэзии используется часто и служит, как правило, для выражения парадоксальности поэтического мышления, сложного внутреннего состояния лирического героя. Стихотворение «Моя Россия» сложено из контрастных сегментов, поскольку центральный образ для автора — воплощенное противоречие, нечто непостижимое, несмотря на кажущуюся простоту и доступность накопленных веками культурно-философских формул.

Обращает на себя внимание тот факт, что И. В. Северянин преломляет многие из названных формул через призму фольклорной поэтики. Этот прием позволяет отступить от точного воспроизведения источника, ограничившись содержащимся в нем эмоционально-семантическим импульсом. Подобный принцип бессознательного обращения к устно-поэтической традиции интенсивно распространяется в литературе начиная с XX в., существенно обогащая и расширяя арсенал авторских изобразительно-выразительных средств. Более точен поэт в отношении стихотворения А. А. Блока «Россия», строки из которого служат эпиграфом к анализируемому тексту. Но и здесь в качестве неизбежного символа ушедшей в прошлое эпохи он оставляет только словосочетание «спицы расписные», эпитет же «золотые», закрепившийся в претексте за существительным «годы», И. В. Северянин переназначает другому слову — «сбруи». В результате в системе читательских ассоциаций происходит сбой. Ожидаемый ассоциат остается неактуализированным, зато блоковский символ России получает в новой интерпретации дополнительные краски и смысловые оттенки. В частности, микротема «бешено-степные тройки» выходит за рамки творческого диалога с известным символистским стихотворением, вбирая также и проекцию гоголевской «птицы-тройки».

Появление А. А. Блока в художественном пространстве «Моей России» вполне закономерно. В культурном сознании нации он остался поэтом-пророком, одним из ярких символов империи на пике ее могущества. И вместе с тем именно А. А. Блок вербализировал в своих стихах так много апокалиптических предощущений, предчувствий катастрофического распада огромной страны. Стихотворение «Россия» «строится на противоречивом чувстве любви поэта к Родине, которое можно выразить классическим оксюмороном *горькая любовь*», — пишут Л. Л. Дроботова, Т. В. Лыкова [17, 76]. Это состояние определяет поэтический язык произведения, что проявляется в «антонимичных оппозициях, антитезах, оксюморонных рисунках словосочетаний, простых и сложных предложений» [17, 76]. И. В. Северянин, ощущая близость эмоционального состояния А. А. Блока, от-

талкивается от его творческой идеи как от импульса, дающего начало поэтическому диалогу, который он ведет, используя элементы поэтической образности собеседника. Две России, отдаленные во времени историческом («блоковский» — 1908 г. / «северянинский» — 1924 г.), социальном (революции, первая мировая и гражданская война), культурно-психологическом (разделением на своих и чужих), встречаются в одном поэтическом пространстве как нечто целое, гармоничное в своей неизменной и непостижимой противоречивости. Блоковская антитетичность, подхваченная И. В. Северяниным как лейтмотив центрального образа, создает особый ритм, побуждая читателя за гармонией противоречий почувствовать острое одиночество и пустоту в душе лирического героя, идеализирующего Россию и ищущего в этом оторванном от жизни идеале надежду на спасение.

С точки зрения композиционной функциональности интересно взаимодействие последовательно реализуемой антитезы и соединительного союза, выполняющего роль «гармонизирующей скрепы», вовлекая вереницу контрастных образов-символов в поток авторского красноречия. Анафорическое «и» создаёт впечатление нарастающего лирического волнения, кумуляции смутных эмоциональных патриотических порывов, как бы устремлённых в одну точку. Подобная функция сочинительной анафоры характерна для романтической лирики в противоположность логическому членению классической поэзии с помощью противительных союзов «а» и «но». Однако И. В. Северянин расширяет композиционные возможности сочинительного союза, используя его для создания мозаичного полотна, раздвигая посредством него информативно-образное пространство произведения.

35-стишие — единый поэтический текст, выполняющий, как и строфа, роль самостоятельного целостного знака. Это усиливает внутрострофическую интеграцию смыслов. Однако такое объёмное словесное полотно не может интонационно и тематически не структурироваться внутри самого себя. При этом вполне естественно, что по ходу развития основной темы возникают законченные микротемы, составляющие периоды. Каждый период тематически и синтаксически самостоятелен относительно другого. Но все вместе они связаны главной темой и являются этапами её поступательного развития не только содержательно, но и в плане выражения, поскольку в основе большей части мозаичных образов лежит оксюморон, составляющий квинтэссенцию мировосприятия поэта, декларированную в строках, обрамляющих стихотворение и усиленную эпиграфом. Периоды различны по объёму: 3 + 4 + 3 + 3 + 4 + 5 + 8 стихов. Нетрудно заметить тенденцию к постепенному увеличению количества стихов в периоде к концу произведения, что свидетельствует о нарастании эмоционального напряжения, дости-

гающего апогея в седьмом периоде. Стих, стоящий после седьмого периода, хотя и не обособлен синтаксически, тематически самостоятелен. Он играет роль логической связки. Таким образом, анафорическая композиция, подчинённая идее ностальгического воспоминания, позволяет с максимальной эмоциональной силой выразить поток поэтического сознания, состоящий из вольно сцепляющихся ассоциаций, воплотить его в цельной картине.

Ощущение застывшего «полотна», лишённого динамики, проистекает из безглагольности «Моей России». Ее следствием является отсутствие ярко выраженной категории времени, что призвано подчеркнуть вневременной характер создаваемой картины. Родина в поэтическом сознании эмигранта — это всегда сложившийся образ, он не может измениться в силу объективных обстоятельств. В такой ситуации возрастает идейно-композиционная роль прилагательных (31 слово в тексте). Именно они выступают в качестве индивидуально-авторских штрихов в поэтической картине утраченной Родины.

Сложная композиционная структура стихотворения «Моя Россия» искусно поддерживается поэтом средствами фонетики. В частности, наблюдается особый принцип звуковой организации текста: ключевое слово «Россия», являющееся рифмообразующим, объединяет, притягивает к себе все стихи с женской рифмой, имеющие фонему «ы» в сильной позиции. Такое «нанизывание» рифмующихся слов, во-первых, обеспечивает неразрывность, монолитность ткани лирического произведения, во-вторых — усиливает интонационный эффект, заданный анафорической композицией. Кроме того, стихи с женской рифмой, сгруппированные по 2–3–4 элемента, разворачивают определенную микротему, а строки с мужскими — подводят ее итог (порой в форме авторской эмоциональной оценки).

Количество сгруппированных стихов с женским способом рифмовки также выстраивается в композиционный рисунок: 2–3–2–2–3–4–4. Две четырехкомпонентные группы, расположенные рядом, указывают на постепенно усиливающееся эмоциональное напряжение, подготавливают к финальному крещендо. Отсутствие единообразной схемы повторов тоже следует рассматривать как авторский прием, позволивший сделать интонацию, само течение лирического монолога более естественным, складывающимся под влиянием сиюминутного чувства.

Примечательно, как меняется алгоритм чередования стихов с мужской и женской рифмой перед финалом. Две строки со смежной мужской рифмой приостанавливают речевой поток, иницируя паузу (чему также способствуют пиррихии), создавая эффект лирической ретардации.

Следует отметить и еще одну важную особенность звуковой организации «Моей России». Это попеременное сгущение вибранта «р» (на уровне звуковой

ассоциации отсылающего читателя или слушателя к ключевому слову) и сонорных «л», «м», «н». Чередование этих звуков моделирует нарастание и ослабление интонационной волны.

Подведем итог. Проведенный композиционный анализ позволил выявить особенности авторского замысла, заключающегося в передаче сложных душевных переживаний поэта-эмигранта, оторванного от родной земли и оказавшегося в изоляции. Катализатором лирического потока сознания стало стихотворение А. А. Блока «Россия». Оно является отправной точкой поэтического диалога И. В. Северянина с литературной и фольклорно-мифологической традицией восприятия Родины, лежащей в основе картины мира русского человека. Центральным звеном композиции стихотворения «Моя Россия» выступает строфика, организованная по принципу развернутой анафоры, охватывающей все произведение и обеспечивающей интонационную динамику, выражающуюся в эмоциональном состоянии лирического героя. Концепция образа России как гармонии противоречий реализуется путем системного использования антитезических поэтических элементов, усиливаемых анафорой. «Отголоски» анафорического движения обнаруживаются на уровне звуковых элементов текстовой ткани, развивающих намеченные мотивы и подкрепляющих общий интонационный эффект. Такая композиционная стратегия позволила И. В. Северянину создать оригинальный, неповторимый художественный образ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамс В. Утопия Игоря Северянина / В. Адамс // Adams Valmar. Vene Kirjandus mu arm. Tallinn, 1977. — 352 с.
2. Жирмунский В. Композиция лирических стихотворений / В. Жирмунский. — СПб.: ОПОЯЗ, 1921. — 109 с.
3. Палиевский П. В. Литература и теория / П. В. Палиевский. — М.: Сов. Россия, 1979. — 288 с.
4. Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд., перераб., расшир. и доп. — Т. 12. — М., 1973. — 1765 с.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. — Институт научной информации по общественным наукам РАН. — М.: НПК «Ителвак», 2001. — 1600 стб.

6. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / Б. В. Томашевский. — М.: Аспект Пресс, 1999. — 334 с.

7. Гаспаров М. Л. Избранные труды. — Т. 4: Лингвистика стиха. Анализы и интерпретации / М. Л. Гаспаров. — М.: Языки славянской культуры, 2012. — 720 с.

8. Безруков А. Н. Структурный анализ лирического текста как модель репрезентации эстетических координат / А. Н. Безруков // Studia Humanitatis. — 2017. — № 3. — Режим доступа: <http://st-hum.ru/content/bezrukov-strukturnyy-analiz-liricheskogo-teksta-kak-model-representacii-esteticheskikh> (дата обращения: 15.02.2020).

9. Маллалиев Г. Н. Поуровневый текстуальный анализ как инструмент раскрытия идейно-эстетического потенциала литературного произведения (к проблеме целостного анализа художественного текста) / Г. Н. Маллалиев // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. — 2009. — № 1. — С. 95–99.

10. Бублик Е. В. Роль ритмико-синтаксических вариаций в реализации синергетического потенциала триолета / Е. В. Бублик // Гуманитарные и юридические исследования. — 2016. — № 1. — С. 186–190.

11. Кошелев В. А. «Медальоны» Игоря Северянина: сонет как жанр литературной критики / В. А. Кошелев // «Согреет всех мое бессмертье ...»: личность и творчество Игоря Северянина в культурном контексте XIX–XXI вв.: сб. науч. работ / ред.-сост.: А. Е. Новиков, Е. Е. Соловьева. — Череповец, 2017. — С. 63–72.

12. Северянин И. Сочинения: в 5 т. — Т. 4 / И. Северянин. — СПб.: Logos, 1996. — 592 с.

13. Северянин И. Сочинения: в 5 т. — Т. 5 / И. Северянин. — СПб.: Logos, 1996. — 400 с.

14. Одоевцева И. В. На берегах Сены / И. В. Одоевцева. — М.: Худож. лит., 1989. — 333 с.

15. Никонова А. А. Вариации трагического образа России в эмигрантском творчестве Игоря Северянина / А. А. Никонова // Вестник Московского государственного областного университета. — Сер.: Русская филология. — 2013. — № 4. — С. 88–93.

16. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: ТЕРРА, 1996. — 1500 стб.

17. Дроботова Л. Л. Антиномии в стихотворении А. Блока «Россия» / Л. Л. Дроботова, Т. В. Лыкова // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. — 2007. — № 2. — С. 76–80.

*Саратовская государственная юридическая академия
Фолимонов С. С., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и культуры речи
E-mail: kruzoz72on@yandex.ru*

*Saratov State Law Academy
Folimonov S. S., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of Russian language and speech culture
E-mail: kruzoz72on@yandex.ru*